

Неоконсервативное убеждение¹

Чем именно является неоконсерватизм? Журналисты, а теперь даже кандидаты в президенты с завидной уверенностью говорят о том, кто или что принадлежит к «неоконсервативному» направлению, и, по-видимому, полагают, что значение полностью раскрывается в самом понятии. В зависимости от обстоятельств те из нас, кого именуют «неоконсерваторами», оказываются удивленными, польщенными или отвергнутыми. Справедливо задаться вопросом: стоит ли что-то за этим понятием?

Даже я, а меня часто называют «крестным отцом» всех этих неоконсерваторов, не раз испытывал изумление. Несколько лет тому назад я сказал (и — увы! — написал), что поначалу неоконсерватизм имел свои отличительные особенности, но к настоящему времени он поглощен основным течением американского консерватизма. Я ошибался. И я ошибался потому, что с момента его возникновения в среде разочарованных либеральных интеллектуалов в 1970-х годах то, что мы называем неоконсерватизмом, было одним из тех подводных интеллектуальных течений, которые лишь изредка проявлялись на поверхности. Неоконсерватизм — это не «движение», как могли бы назвать его критики, которые во всем ищут заговор. Неоконсерватизм — это то, что последний историк джексоновской Америки Марвин Мейерс назвал «убеждением», тем, что проявляется через какое-то время, но беспорядочно, и чье значение проясняется только ретроспективно.

С «американской косточкой»

При таком рассмотрении можно говорить о том, что историческая задача и политическая цель неоконсерватизма, по-видимому, заключались в превращении Республиканской партии и американского консерватизма в целом, несмотря на сопротивление, в новую разновидность консервативной политики, подходящую для управления современной демократией. В том, что эта новая консервативная политика является отчетливо американской, нет ни-

¹ Irving Kristol, 'The Neoconservative Persuasion', Weekly Standard, 2003 (August 25), Vol. 8, Issue 47.

какого сомнения. Ничего похожего на неоконсерватизм нет в Европе, и большинство европейских консерваторов весьма сомневается в его законнорожденности. То обстоятельство, что консерватизм в Соединенных Штатах намного здоровей и политически действенней европейского, конечно же, в какой-то степени связано с существованием неоконсерватизма. Но европейцы, считающие абсурдной мыслью о том, чтобы учиться у Соединенных Штатов политическим новшествам, решительно отвергают рассмотрение такой возможности.

Неоконсерватизм – это первая разновидность американского консерватизма в прошлом столетии, которая обладает «американской косточкой». Неоконсерватизм полон надежд, а не скорби, он смотрит в будущее, а не тоскует по прошлому, и настроен он весело, а не мрачно или подавленно. В двадцатом веке его героями были Теодор Рузвельт, Франклин Делано Рузвельт и Рональд Рейган. О таких же выдающихся республиканских и консервативных деятелях, как Калвин Кулидж, Герберт Гувер, Дуайт Эйзенхауэр и Барри Голдуотер, старательно умалчивается. Конечно, этих выдающихся деятелей прекрасно помнит значительная, возможно, самая значительная часть Республиканской партии, и потому большинство республиканских политиков ничего о неоконсерватизме не знает и узнать не пытается. Тем не менее, нельзя не заметить, что неоконсервативная политика, выходя за пределы традиционных политических и финансовых интересов, помогла сделать саму идею политического консерватизма более приемлемой для большинства американских избирателей. При этом влиятельные лица не могли не заметить, что именно неоконсервативная, а не традиционная республиканская государственная политика, принесла популярность республиканским президентам.

Одним из таких направлений политики, наиболее заметным и спорным, является сокращение налоговых ставок с целью стимулирования устойчивого экономического роста. Эта политика не была изобретением неоконсерваторов, причем они были заинтересованы не столько в частности ослабления налогового бремени, сколько в устойчивом экономическом росте. Неоконсерваторы знакомы с интеллектуальной историей и знают, что политические мыслители стали отдавать предпочтение демократии только в последние два столетия. Раньше же демократия означала по сути своей неспокойный политический режим, при котором «имущие» и «неимущие» ведут беспрестанную и крайне разрушительную классовую борьбу. И только перспектива экономического роста, позволяющего преуспевать каждому, причем одинаково или одновременно, придавала демократическим странам легитимность и устойчивость.

Вследствие этого внимания к экономическому росту отношение к государственному бюджету у них было куда менее неприязненным, чем у более традиционных консерваторов. Неоконсерваторы предпочли бы не иметь значительного бюджетного дефицита, но демократии свойственно, как свойственно, по-видимому, и человеческой природе, что политическая демагогия зачастую оканчивается экономическим безрассудством и потому иногда необходимо быть готовыми пойти на создание дефицита бюджета (временного, как принято надеяться) ради экономического роста. Основная посылка нео-

консерватизма заключается в том, что увеличение благосостояния всех слоев общества делает собственников и налогоплательщиков менее уязвимыми для эгалитарных иллюзий и демагогических призывов и более разумными в том, что касается основных экономических расчетов.

Это подводит нас к вопросу о роли государства. Неоконсерваторам не нравится сосредоточение услуг в государстве всеобщего благоденствия, и они с готовностью изучают альтернативные способы предоставления этих услуг. Но они не согласны с хайковским представлением о том, что мы стоим на «дороге к рабству». Неоконсерваторы не ощущают какой-то тревоги или беспокойства по поводу усиления государства в прошлом столетии, считая его естественным и неизбежным. Поскольку они склонны интересоваться больше историей, чем экономикой или социологией, им известно, что сложившаяся в девятнадцатом веке идея, столь четко изложенная Гербертом Спенсером в его книге «Человек против государства», была эксцентричной с исторической точки зрения. Люди всегда предпочитали сильное правительство слабому, хотя их, конечно, совсем не устраивает опека слишком назойливого правительства. В отличие от традиционных консерваторов, неоконсерваторы чувствуют себя в сегодняшней Америке значительно лучше. Несмотря на свой весьма критичный настрой, они склонны искать интеллектуальное руководство в демократическом благоразумии Токвиля, а не в ностальгии консерваторов, скажем, по Расселу Кирку.

Но неоконсерваторам уютно в современной Америке лишь до определенной степени. Недовольство постепенным упадком нашей демократической культуры и все большим погрязанием в вульгарности объединяет неоконсерваторов с традиционными консерваторами, хотя и не с теми либертарианскими консерваторами, которые консервативны в экономике, но невнимательны к культуре. В результате складывается весьма неожиданный союз между неоконсерваторами, среди которых немало светских интеллектуалов, и религиозными традиционалистами. Они сходятся в вопросах качества образования, отношениях церкви и государства, регулировании порнографии и всем остальном, что они считают заслуживающим внимания правительства. А поскольку Республиканская партия теперь во многом опирается на религиозные слои населения, это наделяет неоконсерваторов определенным влиянием и даже властью. И слабость неоконсервативного потенциала в Европе обусловлена тамашней немощностью религиозного консерватизма.

Внешняя политика

Кроме того, есть еще и внешняя политика, область американской политики, присутствие неоконсерватизма в которой не так давно привлекло внимание средств массовой информации. Это удивительно, поскольку никаких проработанных неоконсервативных взглядов на внешнюю политику нет, а есть лишь ряд установок, выводимых из исторического опыта. (Любимым неоконсервативным руководством по международным отношениям благодаря профессорам Лео Штраусу из Университета Чикаго и Дональду Кейгану из Йельского университета стала «Пелопонесская война» Фукидида). Эти установки можно, как выразились бы марксисты, «тезисно» изложить следую-

щим образом: во-первых, патриотизм — это естественное и здоровое чувство, которое должно поощряться частными и государственными институтами. Именно потому, что мы представляем собой нацию иммигрантов, это американское чувство так сильно. Во-вторых, мировое правительство — это ужасная идея, так как она может привести к мировой тирании. К международным институтам, которые придают особое значение основному мировому правительству, следует относиться с большим подозрением. В-третьих, государственные деятели должны, прежде всего, уметь отличать друзей от врагов. Это не так просто, как кажется, о чем свидетельствует история «холодной войны». Большое удивление вызывало множество разумных людей, которые отказывались считать Советский Союз врагом, несмотря на то, что он сам называл себя таковым.

Наконец, для великой державы «национальные интересы» — это не географическое понятие, если не принимать во внимание достаточно прозаичные вопросы регулирования торговли и окружающей среды. Меньшая страна могла бы спокойно считать, что ее национальные интересы начинаются и заканчиваются на ее границах, и почти всегда придерживаться оборонительной внешней политики. У более крупной страны шире и интересы. И крупные страны, обладающие идеологической идентичностью, подобно Советскому Союзу в прошлом и Соединенным Штатам сегодня, неизбежно имеют помимо множества материальных интересов интересы идеологические. За исключением чрезвычайных обстоятельств, Соединенные Штаты всегда будут считать себя обязанными по возможности защищать демократические страны от нападения недемократических сил, внешних или внутренних. Именно поэтому в наших национальных интересах была защита Франции и Британии во время Второй мировой войны. Именно поэтому мы считаем необходимым сегодня, когда под угрозой находится само его выживание, защищать и Израиль. В национальных интересах не нужны никакие сложные геополитические расчеты.

И все это объясняется неслыханным военным превосходством Соединенных Штатов по сравнению с остальными странами мира в любом воображимом сочетании. Такого превосходства никто не планировал, и даже сегодня многие американцы не хотят признавать очевидного. Во многом, оно возникло в результате нашего невезения. На протяжении пятидесяти лет после окончания Второй мировой войны, когда Европа жила в мире, а Советский Союз полагался в своей борьбе главным образом на своих союзников, Соединенные Штаты участвовали в целом ряде войн: корейской, вьетнамской, войне в заливе, косовском конфликте, войнах в Афганистане и Ираке. В результате рост наших военных расходов более или менее соответствовал нашему экономическому росту, тогда как демократические страны Европы сокращали свои военные расходы в пользу программ социального обеспечения. Советский Союз тратил много, но расточительно, поэтому его военная сила рухнула вместе с его экономикой.

Внезапно, после двух десятилетий, во время которых наблюдались, по словам журналистов и университетских профессоров, «имперский спад» и «имперское перенапряжение», Соединенные Штаты стали чрезвычайно могущественными. На протяжении полувека «волшебство» сложных про-

центров оказывало влияние на наш военный бюджет и научно-технологические исследования в военной области. С силой приходит и ответственность, независимо от того, насколько к ней стремятся и с какими чувствами ее принимают. И непреложно, что, если кто-то обладает силой, которая теперь имеется в нашем распоряжении, либо он сам найдет возможность воспользоваться ею, либо за него ее найдет мир.

Старые, традиционные силы в Республиканской партии с трудом справляются с этой новой реальностью международных отношений. Им также не удастся примирить экономический консерватизм с консерватизмом социальным и культурным. Но по одной из тех случайностей, над которыми ломают головы историки, наш нынешний президент и его администрация в этой новой политической обстановке оказались вполне на своем месте, хотя очевидно, что они рассчитывали на такую роль ничуть не больше всей своей партии. В результате, в то самое время, когда о неоконсерватизме еще выходили некрологи, он обрел свою вторую жизнь.

Перевод с английского Артема Смирнова